
ПСИХОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Р.А. Усмонов

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье проанализированы тексты, произносимые политиками и хозяйственными руководителями, нацеленные на пропаганду определенных идей, привлечение новых сторонников, достижение своей цели не столько путем объективных рассуждений и логических доказательств, сколько путем апелляции к эмоциям реципиентов.

Ключевые слова: эмоциональное воздействие, энергичные тексты, сверхфразовые единства.

Предметом исследования речевого воздействия со стороны политика или должностного лица являются прежде всего те ситуации, в которых объект воздействия не осознает, что является таковым, обуславливает актуальность такой категории, как языковое манипулирование. В общем случае эта категория описывает именно такую ситуацию, и неслучайно в этом термине используется определение «языковое». Прототипическая ситуация манипуляции предполагает, что манипулируемый не просто не осознает воздействия, но к тому же действует в результате во вред себе (а манипулятор преследует преимущественно неблагоприятные цели). Такое развитие значения понятно и оправданно: «коли я не ведаю, что творю, то мною могут воспользоваться в целях, вовсе не соответствующих моим собственным» [8]. Однако если термин «манипулирование» начинает употребляться как родовый, то навязываемая им неявная оценка приводит к заведомо негативной интерпретации таких ситуаций, которые, быть может, ее не требуют или не заслуживают. Называя кого-то умелым манипулятором, вы не только делаете утверждение об эффективности речевого воздействия, осуществляемого этим лицом, но и негативно и при этом неявно оцениваете его (ср., например, смысловые пары типа *шпион/разведчик* или *опаздывать/задерживаться*, основное различие между которыми является оценочным).

Инструменты речевого и, шире, семиотического воздействия могут обладать большей или меньшей эффективностью. Исход воздействия определяется более точным знанием, во-первых, об устройстве «рубежей», ограничивающих возможности воздействия на личность, а во-вторых, знанием семиотических средств преодоления защитных барьеров и умением ими пользоваться. В случае речевого воздействия семиотические средства детализируются как особенности устройства и функционирования языка.

Данная статья посвящена эмоциональному воздействию текстов, произносимых политиками и должностными лицами, на получателя информации при помощи синтаксиса. Поставленная задача решалась путем взаимной верификации данных системного и экспериментального подходов. Сначала был проведен эксперимент, в ходе которого были выявлены степень и качество эмоционального

воздействия текстов на реципиента. Затем результаты этого эксперимента были соотнесены с анализом системы синтаксических и стилистических средств текстов. Итогом исследования стала типология современных текстов, произносимых политиками и должностными лицами. В основу классификации была положена специфика их эмоционального воздействия на получателя информации.

В литературе, посвященной проблемам политического текста, отмечаются его следующие особенности [7]:

— политический текст функционирует в сфере политики; обладает определенной тематикой, связанной с различными политическими вопросами; создается человеком, занимающимся политической деятельностью; имеет, как правило, коллективного автора и множественного адресата; нацелен прежде всего на воздействие на людей для получения вполне конкретного результата;

— политический текст изучается и исследуется с различных позиций — с позиции стилистики [1; 2], с точки зрения того, как в нем выражается идеология [12]. Внимание исследователей привлекает вопрос об определении и классификации общественно-политической лексики [11]. Вопросом, который до настоящего времени не нашел в языковедческой литературе общего решения, является определение понятия политической лексики [5]. Создаются словари политических терминов [3; 4].

Наш подход строился на комплексном анализе особенностей текста должностного лица или политика в аспекте эффективности его воздействия на реципиента при учете синтаксических и психологических факторов, обуславливающих достижение цели такого воздействия. При рассмотрении вопроса о прагматической стороне речевого общения мы учитываем положение о подобии интеллектов А. Шаффа, заключающееся в том, что текст воспринимается наиболее адекватно тем слушателем, психологические особенности которого наиболее близки авторским. Отсюда, с одной стороны, близость психологических особенностей автора и слушателя можно воспринимать как некую данность. Можно говорить и о более глубоком толковании психологического сходства, а именно сходства людей по эмоционально-смысловой доминанте, как это делается в работах В.П. Белянина [6].

С другой стороны, психологическая близость автора и читателя может создаваться в тексте и искусственно. Очевидно, что, создавая текст, автор имеет возможность отбирать и варьировать знаковые формы так, чтобы они максимально полно и адекватно выражали его замысел, и вместе с тем максимально соответствовали типу личности реципиента. Тем самым, в процессе создания текста автор некоторым образом прогнозирует его восприятие реципиентом, корректируя свой замысел.

Это позволило сформулировать две гипотезы. Первая гипотеза заключается в том, что люди, принадлежащие по своим взглядам к одной политической партии, обладают сходными когнитивными структурами или их фрагментами, которые должны проявляться в создаваемых ими текстах. Иными словами, мы полагаем, что тексты, принадлежащие одному политическому или хозяйственно-управленческому клану, но, как правило, разным авторам, а часто и коллективному автору, должны быть схожи по своим психолингвистическим характеристикам.

Вторая гипотеза заключается в том, что одной из осознанных, целенаправленных прагматических задач политика или чиновника — автора текста — является задача формирования с помощью необходимых языковых средств определенного эмоционального психического состояния у реципиента.

В качестве основной в таком исследовании выступает задача объективной оценки способности текста эмоционально воздействовать на реципиента. Решение этой задачи состоит в необходимости путем анализа конкретного текстового материала разобраться, какие формы действенной эмоциональной направленности наиболее часто используются сегодня в тексте политика или хозяйственника (управленца).

В начале исследования был проведен эксперимент. Его цель — выявление качества и степени воздействия на реципиента заложенных в текстах базовых эмоциональных состояний.

В эксперименте приняло участие 50 человек (22 юноши и 28 девушек). Из них 25 человек — студенты технических вузов, 25 — студенты гуманитарных вузов. Для исключения эффекта пристрастности были привлечены политики и чиновники Республики Таджикистан. Методом отбора служила анкета, состоящая из трех вопросов, которую студентам было предложено заполнить перед началом эксперимента. Таким образом, для эксперимента нами было отобрано 50 человек, которые не являются членами какой-либо политической партии (течения, движения и т.п.), не являются прямыми сторонниками какой-либо политической партии (течения, движения и т.п.), никогда не принимали участие в каких-либо политических митингах, забастовках и т.п.

Эксперимент проводился в четыре этапа.

На *первом этапе* основным приемом служила методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилберга [10]. Цель проведения такой диагностики — выявление зависимости характеристик восприятия текстов от личностных особенностей реципиентов, а также от их психического состояния в момент этого восприятия.

Второй этап был связан с оценкой реципиентами текстов, произносимых чиновниками. Основным здесь служил метод семантического дифференциала Ч. Осгуда [9].

Для эксперимента было отобрано 35 текстов, произнесенных чиновниками. Они предъявлялись реципиентам на слух (через наушники) и в виде текстов на бумаге. Реципиенты должны были оценить тексты по 28 шкалам, представляющим собой 28 эмоциональных состояний, в баллах от 0 до 6, и ответить, какие эмоциональные состояния вызывают эти тексты.

На *третьем этапе* ставилась цель подтвердить предположение об объективной способности эмоционального воздействия текста на реципиента. Для этого была оценена динамика состояния тревоги, т.е. проведено сравнение уровня тревожности до прочтения и оценки реципиентами политических текстов с уровнем тревожности сразу после этого. Основным методом — укороченный вариант шкалы самооценки Ч.Д. Спилберга для оценки динамики состояния тревожности [10].

После прочтения текстов у 44 реципиентов из 50 тревожность повысилась, что позволяет считать: тексты оказывают эмоциональное воздействие на реципиентов.

На *четвертом этапе* было построено семантическое пространство 35 экспериментальных текстов в рамках 28 шкал. Основной метод — метод построения субъективных семантических пространств с использованием факторного анализа.

На основе экспериментальных и данных структурного анализа было выделено три типа текстов по характеру их эмоционального воздействия на реципиентов: «агрессивный», «эпатажный», «энергичный».

В основе «агрессивного» типа текста в основном лежат сильные с точки зрения психической активности, негативные эмоциональные состояния: ненависть, озлобленность, страх, ужас. Из состояний средней психической активности: презрение, тревога, беспокойство. Из состояний низкой психической активности: чувство обиды, униженность.

В целом, тексты «агрессивного» типа заставляют человека чувствовать себя обиженным, униженным, оскорбленным, но не беспомощным и ущербным. Они призывают активно действовать, мстить. Основным смыслом выступает идея об опасности врага, который сделал нашу действительность «отвратительной, мерзкой, страшной» и с которым нужно бороться. В них много обращений к физиологической стороне человеческого существования, много говорится о насилии, убийствах, самоубийствах. Часто в агрессивных текстах происходит смена эмоциональной доминанты. В начале текста в основном лексика, описывающая состояние страха, безнадежности, тревоги. К концу текст становится более жизнеутверждающим.

Пример сверхфразового единства «агрессивного» текста:

Который год в стране *царствует смута и развал, властвует произвол* финансово-чиновничьей олигархии. Который год мы ожидаем обещанного благополучия и процветания, получая взамен безудержный *рост цен*, неплатежи по зарплатам и социальным пособиям, *международные войны и конфликты, бандитизм и коррупцию*. Довольно *слушать* бесконечные обещания и заверения чиновников, *терпеть унижения и издевательства* обнаглевших реформаторов. На попытку путем политических рокировок продлить *агонию ненавистного антинародного* режима — ответим: *НЕТ — антинародному курсу!*

(Речь представителя Д. Атовуллова март 2007 г.)

Эти психолингвистические характеристики сверхфразового единства соотносимы с результатами системного анализа. Частое употребление лексики, задаваемой семантическими категориями «смерть» и «тоска» придают текстам эмоциональную насыщенность.

С точки зрения литературного языка в этих текстах нередко встречается разговорная лексика, стилистически сниженные языковые обороты, вульгаризмы. Предложения в основном простые или сложносочиненные. Много безличных конструкций, конструкций с пассивным залогом. Большое количество абзацев придает «агрессивным» текстам некоторую отрывистость и резкость.

Из стилистических приемов можно отметить наличие эпитетов, имеющих негативную окраску, сравнений, гипербол. Иногда встречается ирония и сарказм.

Характерной чертой текстов данного типа является частое обращение к авторитетам, что свидетельствует о желании найти подтверждение или оправдание

своим словам, заверить читателя в том, что не только они, но и авторитетные личности думают так же.

Тексты «эпатажного» типа заставляют чувствовать свою неполноценность, считать себя ущербными, жалкими и обманутыми. Они представляют собой некий диалог автора и читателя, целью которого является подавление самого собеседника, так как именно он (собеседник) является *жалким и ничтожным, предавшим свое Отечество* или просто *бездельничающим, не желающим работать и трудиться*.

В основе «эпатажного» типа текста лежат в основном эмоциональные состояния низкой психической активности: униженность, подавленность, чувство пустоты, чувство ущербности, беспомощность, обида; состояния средней психической активности — презрение, раздражение, беспокойство; позитивные эмоциональные состояния — веселость, что, на наш взгляд, является проявлением эмоциональной насыщенности, претенциозности, красочности текстов как в плане лексики, так и в плане синтаксиса и стиля.

Эти психолингвистические характеристики репрезентируются лексикой разных функциональных стилей и разновидностей русского языка в различных областях Таджикистана. Наряду с разговорной лексикой, которая придает тексту неофициальный характер, создает более близкое общение между автором и читателем, а также сленгом, вульгаризмами, окказионализмами много возвышенной лексики, тяготеющей к архаике.

Пример сверхфразового единства «эпатажного» текста:

Встал из *мрака* (сем. катег. «сумрак») *младой* (устар.) независимый Таджикистан. К зрелищам *типа* (разг.) первомайских сходов не привыкла наша молодежь. Некий товарищ уж *мужем* (устар.) и зваться не может; *мужи* (устар.), как зайцы, не бегают от *КГБ* (аббревиатура).

(Из выступления руководителя аппарата Министерства культуры РТ Абдугаффора Абдуджабборова, апрель 2007 г.)

Актуальны различные стилистические приемы: метонимия, оксюморон, ирония, сарказм. Много эпитетов, метафор, сравнений, гипербол. Характеризуются эти тексты и наличием пословиц и поговорок, которые имеют в основном негативный оттенок. Также для текстов «эпатажного» типа характерна ритмичность.

С точки зрения синтаксиса много абзацев, вставных конструкций, вводных слов и словосочетаний, предложений с прямой речью. Нередко встречаются нарративные вопросы, полипропозициональные предложения. Отсюда возрастает и роль пунктуации. Много тире, двоеточий, восклицательных и вопросительных знаков, есть многоточия, кавычки, а также сочетания различных знаков препинания.

Система образности «эпатажных» текстов связана с наличием семантических категорий: «зло» и «ложь».

«Эпатажные» тексты ориентированы в основном на мифологическое сознание и строятся с опорой на категориальные оппозиции: свой-чужой, голодный-сытый, добро-зло и т.п. В идеологическом плане противопоставление добро-зло является абсолютной ценностной шкалой. Абсолютные ценности добра и зла связываются со значимым в данном сообществе символическим рядом и олицетворяются с образах «нас» и «наших оппонентов, врагов».

В «эпатажных» текстах имеет место апелляция к фольклору, обращение к мусульманству и христианству, к древнейшим представлениям, которые отражаются в данных текстах в виде использования стереотипных образов животных. Есть обращения к физиологической стороне человеческого существования, что проявляется в противопоставлении плотского и духовного, высокого и низкого.

В основе «энергичного» типа текста лежат в основном положительные эмоциональные состояния: воодушевление, радость, гордость, восхищение. «Энергичные» тексты не подавляют, не унижают человека. Из негативных эмоциональных состояний они вызывают лишь легкое раздражение, иногда беспокойство, тревогу.

Основная идея «энергичных» текстов заключается в эксплуатации идей неповторимости Таджикистана как Отечества, уникальности таджикского народа. Характерны призывы к добру, справедливости, честности. Акцентируется необходимость уважения личности, самосознание каждого человека, несущего ответственность за все, что он делает. Они вселяют в человека оптимизм, надежду, призывают работать, жить активно, творчески.

Пример «энергичных» текстов:

Период разрушения духовных, личностных и гражданских основ заканчивается. С каждым днем появляются и крепнут убеждения в ценности духовных основ личности и норм взаимоотношений.

(Из выступления начальника пресс-центра Министерства образования РТ Ноилшо Нуралиева март 2009 г.)

Данное эмоциональное состояние связано с наличием определенной системы образности в текстах данного типа, которая характеризуется семантическими категориями «жизнь», «истина», «борьба», «добро». В «энергичных» текстах присутствует и более эмоционально окрашенная лексика, относящаяся к семантическим категориям «враг», «зло». Но она скорее выражает подозрительность, недоверие, обидчивость, нежели явную агрессию, нападение.

С точки зрения русского литературного языка лексика в целом нейтральная, иногда встречаются элементы разговорного языка, что делает автора текста более искренним, сближает его со слушателем. Есть метафоры, эпитеты. Часто употребляются пословицы, поговорки, цитаты. Их использование ориентировано на экспрессивизацию контекста, стилизацию разговорной речи, выполняющую функцию интимизации, установления контакта с читателем, привнесения оценочного начала для выражения позиции автора.

В текстах «энергичного» типа встречается большое количество сравнений и противопоставлений. Как правило, сравниваются или противопоставляются истина-ложь, доверие-подозрение, богатство-нищета. По количеству слов превалирует положительная сторона данных оппозиций.

В результате исследования стало очевидно, что текст, произносимый политиками и хозяйственными руководителями, нацеленный на пропаганду определенных идей, привлечение новых сторонников, достигает своей цели не столько путем объективных рассуждений и логических доказательств, сколько путем апелляции к эмоциям реципиентов. В целом это, видимо, связано с тем, что во времена политической и экономической нестабильности, несовершенства правительст-

венных органов власти и нечеткости их деятельности появление различных политических партий способствует нарастанию эмоциональной напряженности.

Внешней формой выражения эмоционального напряжения становится экспрессивный вокабуляр, экспрессивный синтаксис, стилистические приемы, смешение различных функциональных стилей, а также использование лексики из разных слоев языка. Все это значительно усиливает воздействие политических текстов, а также свидетельствует о том, что политический дискурс в Таджикистане находится еще в стадии становления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алтунян А.Г.* От Булгарина до Жириновского. — М., 1999.
- [2] *Богин Г.И.* Понимание и непонимание в общении политика с населением // Политический дискурс в России. — М., 1998.
- [3] *Арнаудов М.* Психология литературного творчества / Пер. с болг. — М., 1970.
- [4] *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. — М., 1982.
- [5] *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. — М., 1994.
- [6] *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). — М., 2000.
- [7] *Воробьева О.И.* Политический язык: семантика, таксономия, функции: Автореф. ... дисс. докт. филол. наук. — М., 2000.
- [8] *Провоторов В.* Сознание под прицелом полиграфа // Архив. — 2006. — № 2. — С. 81.
- [9] *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных. <http://www.i-u.ru/biblio>
- [10] *Ханина Ю.Л.* Шкала Ч.Д. Спилберга, <http://www.oksanochka.com>
- [11] *Шмидт В.* Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма // Актуальные проблемы языкознания ГДР. — М., 1979.
- [12] *Shapiro M.J.* Language and Political Understanding. — New Haven, C: Yale University Press, 1981; *Wilson J.* Politically speaking. — Cambridge, 1990.

PSYCHOLOGICAL AND SYNTACTIC ASPECTS OF THE INFLUENCE OF PUBLIC SPEECHES

R.A. Usmonov

Chair of the Russian Language and methods of its teaching

Philological faculty

People's Friendship University of Russia

Miklukho-Maklay Str., 6, Moscow, Russia

The article analyses texts delivered by politicians and economic leaders to promote certain ideas, to involve new supporters, to achieve goals not by objective reasoning and logical proofs but by addressing the emotions of recipients.

Key words: emotional influence, energetic texts, super-phrase units.